

ОТ РЕДАКЦИИ

Для судебных органов ООН в Гааге март 2006 г. был омрачен двумя событиями: в своей камере свел счеты с жизнью сербский националист Милан Бабич, которого приговорили к тюремному заключению за военные преступления. Кроме того, человек, против которого Бабич давал свидетельские показания в 2002 г. – Слободан Милошевич, первый глава государства, обвиняемый в совершении военных преступлений, – также умер в гаагской тюрьме. А ведь процесс над Милошевичем был для международного права своего рода решающим испытанием.

Ни у кого не вызывает сомнения, что смерть бывшего югославского президента умаляет значимость самого главного трибунала, созданного в Европе со времен Второй мировой войны. Несмотря на четырехлетний процесс, мир так никогда и не узнает, признали бы Милошевича виновным в преступлении геноцида. А тот факт, что судебные инстанции не предприняли никаких действий в отношении Ратко Младича и Радована Караджича, еще сильнее подрывает то слабое доверие, которым пользуются органы правосудия, преследующие военных преступников. Конечно, имена тех, кто был осужден за совершение подобных деяний (Тадич, Джелисич, Николич и Блашкич), вошли в историю права, а судебные процессы над ними явились значительным вкладом в развитие юридической науки и практики. И тем не менее отсутствие главных подозреваемых, которые несли основную ответственность за принятие политических и военных решений во время войны в Боснии, не только наносит серьезный удар по имиджу международных трибуналов в целом, но и подрывает более общие цели, которые преследует международное уголовное право.

* * *

Уже в античные времена был известен принцип, в соответствии с которым люди должны отвечать за совершенные ими нарушения права войны. Что же касается международных военных трибуналов для преследования военных преступников, то они созданы после Нюрнбергского и Токийского процессов, во время которых судили нацистских и японских военных руководителей, совершивших серьезные преступления во время Второй мировой войны. Эти процессы начались после того, как одни государства одержали победу в войне, а другие вынуждены

были пойти на безоговорочную капитуляцию. Создание этих двух военных трибуналов показало, что в рамках существующей международной юридической системы не имелось ни одного постоянно действующего органа, который обладал бы юрисдикцией и необходимыми средствами для преследования лиц, совершивших подобные преступления.

Именно государства должны в первую очередь преследовать в судебном порядке и судить своих собственных граждан, совершивших те или иные правонарушения, в том числе международные преступления. Однако приходится констатировать чрезвычайно низкую результативность действий, предпринимаемых национальными судебными органами, преследующими лиц за такие преступления. Создается впечатление, что чем больше нарушений совершается во время войны, тем меньше возбуждается уголовных дел против виновных в них лиц. Со своей стороны, члены неправительственных формирований, участвующих в конфликте, не испытывают никаких угрызений совести и ведут себя таким же образом. Несмотря на то что принцип универсальной юрисдикции должным образом закреплен в международном праве, применение его оспаривается. Особое значение он приобрел с принятием Бельгией в 1993 г. соответствующего закона, который был отменен 10 лет спустя. Этот шаг назад нельзя объяснить только созданием Международного уголовного суда, потому что его учреждение никоим образом не снимает с государств обязанности преследовать в судебном порядке подозреваемых в совершении преступлений лиц независимо от их национальности и места совершения этих правонарушений.

Учреждая различные международные трибуналы и судебные органы, которые можно было бы использовать как таковые, государства четко выразили намерение вести борьбу с безнаказанностью. Однако это требование сделать эффективным международное правосудие часто носит декларативный характер и не может компенсировать недостаточное желание государств преследовать своих собственных преступников, к которым на родине нередко относятся как к героям, или других международных преступников. Два специальных трибунала, учрежденных Советом Безопасности Организации Объединенных Наций для того, чтобы судить лиц, совершивших преступления в бывшей Югославии и Руанде, были и остаются первыми своего рода «испытательными стендами» для постоянно действующего Международного уголовного суда. Из совершенных ошибок были извлечены уроки: необходимо, в частности, с самого начала проводить информационные кампании, с тем чтобы жители бывшей Югославии и Руанды чувствовали свою сопричастность с судебными процессами, проходящими

вдали от них. Другие уголовные суды, учрежденные для Сьерра-Леоне, Камбоджи, Восточного Тимора, Косово и Ирака и носящие более или менее выраженный международный характер, несомненно, способствовали распространению международных или интернационализированных уголовных систем в мире, однако при их создании и развитии их органов упор все-таки делался на привлечении национальных структур, что принесло неоднозначные результаты.

В конце концов в 2002 г. на основании Римского статута был учрежден Международный уголовный суд (МУС). В соответствии с вышеуказанным документом перед этим постоянным судебным органом стоит задача преследовать лиц, совершивших, в частности, преступления геноцида, преступления против человечности и военные преступления. Как указывается в Римском статуте, МУС «дополняет национальные системы уголовного правосудия» и может осуществлять свою юрисдикцию только в том случае, если национальные суды не желают или не способны вести расследование либо возбудить уголовное преследование должным образом. Он является, таким образом, «судом последней инстанции», поскольку не снимает с государств ответственности самим подвергать уголовному преследованию лиц, подозреваемых в совершении преступлений.

В отсутствие каких-либо механизмов принуждения МУС может функционировать, опираясь только на сотрудничество с государствами, – некоторые из них, порой не самые последние, не ратифицировали Римский статут. Его роль заключается в том, чтобы начинать действовать именно тогда, когда, как правило, вряд ли можно надеяться на подлинное сотрудничество со стороны соответствующего государства, поскольку оно не желает возбуждать уголовное преследование преступников или же оно настолько дезорганизовано, что просто не в состоянии это сделать. Возможные неудачи МУС обуславливаются самим характером этого учреждения, так как оно должно действовать именно в тех ситуациях, в которых чрезвычайно затруднительно надлежащим образом вести уголовное расследование. Сбор свидетельских показаний и доказательств, их хранение в надежном месте, а затем арест подозреваемых – все эти процессуальные действия можно осуществлять только при активной поддержке со стороны государств, Организации Объединенных Наций и негосударственных акторов. Однако и те, и другие, и третьи преследуют, как правило, различные цели, обусловленные соответствующим мандатом. И этот мандат может быть дискредитирован, если их активное участие в действиях по сбору доказательств будет восприниматься как нечто противоречащее интересам одной из сторон в конфликте или местного населения. И хотя МККК поддерживает идею

передать правосудию военных преступников, он отказывается оказывать практическую помощь трибуналам, чтобы не подвергать опасности свою главную миссию – предоставлять защиту и помощь жертвам вооруженных конфликтов во всем мире, как это предусмотрено Женевскими конвенциями.

Превратить, несмотря ни на что, МУС в эффективный юридический инструмент, необходимый для поддержания справедливого мирового порядка, – задача гигантского масштаба. Но надежда на то, что она будет выполнена, есть: Прокурор Международного уголовного суда начал следствие по делам, которые были переданы ему Угандой, Демократической Республикой Конго и Советом Безопасности Организации Объединенных Наций (последнее касается преступлений, совершенных в Дарфуре, Судан), стало также известно о выдаче первых ордеров на арест. Не так давно был арестован и передан МУС, где начались предварительные слушания, Тома Лубанга Дьило, который обвиняется в насильственной вербовке детей, не достигших 15-летнего возраста, и привлечении их к активному участию в военных действиях во время одного из самых кровавых – и самых забытых – вооруженных конфликтов на востоке Конго. Даже Чарлз Тейлор из Либерии, которому чудом удалось уходить от уголовного преследования в своей собственной стране, в конце концов был выдан властям этого государства, чтобы предстать перед судом.

*Тони Пфаннер,
главный редактор*